

«Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».

(А. С. Пушкин, «Поэту»)

Пять лет назад, когда блистательный Пэй Янь принимал статуэтку престижной премии «Золотое перо», Чжоу Дафэй, закутавшись в несуразный длинный пуховик, уныло сидел на крошечном, площадью едва ли три квадратных метра, открытом балкончике дряхлой съемной квартиры. Рядом с ним сиротливо примостились несколько горшков с полуживым хлорофитумом.

Взгляд Дафэя блуждал без цели, но на фоне чахлой комнатной зелени парень выглядел на удивление живым. Он то ли сосредоточенно разглядывал разношерстную толпу, сновавшую по рынку под окнами хрущевки, то ли витал в облаках, не замечая ничего вокруг.

Шел триста шестьдесят пятый день с тех пор, как Чжоу Дафэй подписал контракт со студией Пэй Яня.

И ровно столько же он сидел без работы. После выпуска из университета прошло уже полгода, а он до сих пор ни разу не ступил на настоящую съемочную площадку.

На улице было промозгло, сыро и серо. Ветер выл и метался по переулкам, точно под действием злых чар. Погода один в один напоминала день их первой встречи.

Тогда Дафэй еще учился в университете и по совету приятеля записался на курсы для начинающих режиссеров. Внезапно организаторы объявили, что приедет именитый мастер и занятия начнутся раньше срока. Парню пришлось срочно брать стоячий билет на ночной поезд и мчаться из Пекина в Шанхай. Вымотавшись в дороге, он добрался до гостиницы только для того, чтобы обнаружить: на юге Китая центрального отопления нет.

В его комнате не было окон. Душный воздух от старого кондиционера давил на грудь, нагоняя тоску. Около трех часов ночи Дафэй не выдержал и выбрался наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Ноги сами привели его на просторную террасу, примыкавшую к роскошному люксу Пэй Яня. Персонал отеля сработал спустя рукава: замок на одной из боковых дверей сломался, и починить его никто не удосужился.

Дафэй, никогда не отличавшийся робостью, бросил беглый взгляд по сторонам и без лишних церемоний развалился в удобном кресле на чужой веранде. И, мало того, зажег свет.

Вышедший из душа Пэй Янь с удивлением обнаружил, что на его личной террасе горит лампа, а под ней преспокойно сидит незнакомец.

Надо признать, с первого взгляда Чжоу Дафэй зацепил Пэй Яня. Сложение у парня было безупречным — подтянутый, стройный, но без малейшего намека на слабость, с выразительно длинными ногами. Он сидел, закинув голову и глядя в ночное небо, и в его силуэте на фоне тьмы сквозило что-то притягательное. Пэй Янь поймал себя на мысли, что этот кадр смотрелся бы выигрышно даже на большом экране.

Пэй Янь только завершил съемки и прибыл в Шанхай тем же днем. Его спешно припахали выступить перед участниками какого-то сомнительного мастер-класса, к организаторам которого у него имелся свой коммерческий интерес. По словам секретаря, принимающая сторона проявила заботу и прислала на ночь «сопровождающего». Пэй Янь решил, что полуночный гость на террасе — это он и есть.

Вкусы у Пэй Яня были притязательными во всех отношениях: фальшивую манерность и пресную смазливость он не переносил на дух. Тело, принесенное на блюде, он обычно отправлял обратно без раздумий. Но дикие экземпляры всегда манили его. А Чжоу Дафэй был строптив до мозга костей.

Отодвинув стеклянную дверь, Пэй Янь вышел на воздух и спросил, как зовут гостя. Дафэй даже ухом не повел — проигнорировал, не удостоив его и взгляда.

Это задело режиссера. Парень, безусловно, был чертовски хорош, но наглость его переходила границы. Пэй Янь подумал, что тот просто набивает себе цену.

Самовлюбленный и вспыльчивый Пэй Янь церемониться не стал: схватил строптивца за подбородок, заставляя поднять лицо. Но Дафэй оказался еще более бешеным. Он мгновенно вскочил и без лишних слов заехал Пэй Яню кулаком в челюсть, после чего рявкнул:

— Руки распускаешь, пока никто не видит?! Еще раз дернешься — я тебе устрою такое, что костей не соберут!

Пэй Янь прижал ладонь к пострадавшему лбу. От злости и абсурда ситуации он лишь нервно усмехнулся. Но тут его взгляд упал на оброненную парнем пластиковую карточку. Это был студенческий билет. Только тогда Пэй Янь понял, что произошло недоразумение.

Чжоу Дафэй. Университет А, финансовый факультет Института экономики, группа 01. Судя по году поступления, четвертый курс.

Подняв карточку, Пэй Янь протянул ее владельцу:

— Драться горазд, а сам, оказывается, отличник.

Дафэй процедил сквозь зубы короткий смешок и вырвал документ из его пальцев:

— Поменьше стереотипов. Отличники при желании могут и лицом в асфальт закатать.

Пэй Янь набрал номер секретаря и велел передать организаторам, чтобы присланного «сопровождающего» завернули обратно, а заодно устроил разнос администрации отеля за дырявую безопасность на террасе. Дафэй, стоявший неподалеку, сообразил, в чем дело, едва услышав этот разговор.

Он ловко проигнорировал тот факт, что сам забрел на чужую территорию, и перешел к деловому торгу:

— Значит, обознался? Ладно, так и быть, не стану заявлять на тебя за домогательства, но и ты не наглей. Силу я соразмерял. Если снимешь побои со своего лба — фамилию сменю на твою!

Чжоу Дафэй был чертовски привлекателен — фигура манекенщика, лицо кинозвезды. Пэй Яню показалось забавным и невероятно возбуждающим то, как этот колючий звереныш огрызается и нападает в ответ. Это было полностью в его вкусе. Вместо того чтобы разозлиться, режиссер с многозначительной улыбкой предложил ему зайти в номер и выпить по бокалу.

Дафэй, разумеется, отказался. Но пока они препирались, на террасу выскочила охрана отеля. Заметив ссадину на лбу знаменитого гостя, секьюрити приняли парня за воришку и вознамерились вызвать полицию.

Объяснять истинную причину шумихи обоим казалось верхом позора. В итоге Дафэю пришлось прикинуться приятелем режиссера и спешно ретироваться вглубь номера. Пэй Янь в два счета выставил охранников за дверь и вернулся в комнату. Поняв, что угроза миновала, Дафэй развернулся, намереваясь уйти, но хозяин люкса окликнул его. На удивление, в его голосе сквозило редкое терпение:

— Ты мне действительно понравился. Может, все-таки подумаешь? Я ведь вижу, что ты не по девочкам.

Рост Дафэя превышал метр восемьдесят пять, но Пэй Янь был еще выше: широкие плечи, длинные ноги, безупречное телосложение. В резких, породистых чертах его лица сквозило что-то хищное, не совсем человеческое, и эта властная аура невольно притягивала взгляд, заставляя сердце биться чаще. Любой здравомыслящий человек признал бы в нем идеального любовника.

Но Чжоу Дафэй умом никогда не отличался.

Он одарил собеседника первой за вечер презрительной усмешкой:

— Я-то как раз по мальчикам. Просто на тебя у меня не стоит.

В глазах Пэй Яня на миг вспыхнул гнев, но его быстро сменил азарт охотника. Какое удовольствие от погони, если добыча сама идет в капкан? Интереснее всего приручать самых диких зверей. Иначе проще пойти в мясную лавку и купить разделанную тушу. В конце концов, имя, вуз и группу этого упряма он уже знал. Заполучить его оставалось лишь вопросом времени.

Пэй Янь не стал его удерживать. Сказав свое веское слово, Дафэй обогнул диван и направился к выходу. На журнальном столике лежали материалы, подготовленные организаторами для завтрашнего выступления. Там же лежал планшет с застывшим на паузе кадром из культового фильма Пэй Яня «Спящий паровозик». Рядом высилась стопка методических книг и наброски речи, которые лектору следовало просмотреть.

Дафэй скользнул равнодушным взглядом по экрану. Пэй Янь уловил это движение и с любопытством спросил:

— Что, знаком с картиной?

Дафэй приоткрыл было рот, смолчал, но искушение оказалось слишком велико. Он выдал фразу, о которой впоследствии горько пожалел:

— На подобных фильмах художественный вкус не воспитаешь.

Улыбка сползла с лица Пэй Яня:

— Вот как? И ты его смотрел?

— Смотрел, — Дафэй обернулся и с полной уверенностью кивнул: — Дешевка несусветная.

Много позже, анализируя случившееся, Чжоу Дафэй признал: несмотря на свой скверный характер, Пэй Янь все же давал ему шанс отступить. Когда парень впервые назвал его шедевр дешевкой, режиссер не взорвался, а лишь сухо заметил: «Эта картина возглавляла отечественный прокат целое десятилетие».

Но упрямый студент и ухом не повел:

— Я собираюсь стать режиссером, поэтому проанализировал статистику сотен фильмов за последние пятнадцать лет. Математический анализ ясно показывает: художественная ценность картины никак не коррелирует с кассовыми сборами.

И, словно сомневаясь в умственных способностях собеседника, заботливо добавил:

— Собственно, тот факт, что эта поделка умудрилась занять первое место в прокате, как раз и

доказывает мою правоту.

После столь дерзкой тирады улыбка Пэй Яня окончательно окаменела. Тем не менее он сдержался и дал юнцу второй шанс:

— И что же ты думаешь о режиссере этого фильма, о самом Пэй Яне?

— Пэй Янь? — лицо Дафэя осталось бесстрастным, лишь губы тронул легкий пренебрежительный изгиб.

В его глазах горела непреклонная гордость. Он отчеканил каждое слово, безжалостно рубя сплеча:

— За неимением истинных героев и бездарность прослывет величием.

Пэй Янь все еще силился улыбаться, но его взгляд потяжелел настолько, что стал почти осязаемым:

— Спрошу в последний раз: точно не останешься?

Грохот захлопнувшейся двери послужил красноречивым ответом. Так Чжоу Дафэй упустил свой последний шанс на мирный исход.

На следующий же день Дафэй осознал масштаб своего просчета, когда понял, кто именно читал им лекцию. Пэй Янь великодушием не отличался и при первой возможности отомстил. Перед аудиторией в несколько сотен человек он поднял Дафэя с места и спросил, какое произведение искусства тот считает любимым.

Упрямец увиливать не стал и назвал театральную пьесу. Пэй Янь тут же язвительно заметил: раз уж тот так ценит театр, ему стоило бы чаще ходить по спектаклям, а не просиживать штаны на лекциях по кинематографу.

Аудитория взорвалась хохотом. Дафэй не проронил ни слова.

Вскоре после этого инцидента Пэй Янь подсунил ему кабальный контракт. Документ изобиловал пунктами, но суть сводилась к одному: без письменного одобрения студии Пэй Яня Чжоу Дафэй не имел права выпускать собственные работы, участвовать в коммерческих проектах или вести любую творческую деятельность. При этом сама студия никаких обязательств перед ним не несла.

Режиссер небрежно бросил перед ним ручку, бросив, что у него дела и на раздумья есть ровно десять минут. Выбор оставался за Дафэем.

При всей своей вспыльчивости Дафэй никогда не позволял эмоциям брать верх над разумом — его рассудок всегда оставался кристально ясным. Поразмыслив пару секунд, он взял ручку и расписался. Он прекрасно понимал: откажись он, у Пэй Яня нашлась бы тысяча способов стереть его в порошок. Без подписи под этой бумагой его карьера умерла бы, даже не начавшись. К тому же покорный росчерк пера тешил самолюбие этого высокомерного человека, давая ему иллюзию победы.

Оказавшись в капкане, Дафэй выбрал единственную верную тактику: затаиться и переждать, пока гнев хозяина утихнет. Пэй Янь был слишком занят делами государственного масштаба, чтобы постоянно помнить о мелкой сошке, но хватку не ослаблял — ему достаточно было шевельнуть пальцем, чтобы раздавить строптивца.

Самым действенным и изощренным способом наказания со стороны Пэй Яня было полное отстранение от профессии. Стоило Дафэю заикнуться о желании поработать на съемочной площадке, как режиссер с издевкой парировал:

— Да без проблем. Мне как раз в группу нужен бухгалтер. Пойдешь?

Дафэй лишь стискивал зубы.

— Всяко проще твоих университетских формул. Выпускник финансового факультета Университета А уж как-нибудь дебет с кредитом сведет.

Дафэй терпеть не мог финансы, эта специальность вызывала у него глухое отвращение. Пэй Янь каким-то образом нащупал эту слабость — возможно, сработала профессиональная режиссерская наблюдательность. Он бил точно в цель: стоило Дафэю потянуться к мечте, как его тут же окунали в то, что он ненавидел сильнее всего.

Бездействие лишало не только надежды, но и средств к существованию. Чтобы не растрачивать попусту драгоценное время, Дафэй перебивался случайными заработками, а освободившиеся часы тратил на самообразование: читал, смотрел кино, часами наблюдал за прохожими. С голоду он не умер лишь благодаря некогда блестящим результатам выпускных экзаменов.

Пусть из университета он выпустился с позорным третьим результатом с конца, в свое время он занял двадцать четвертое место на едином экзамене по точным наукам в Пекине. Такое достижение открывало ему двери в сферу репетиторства.

Дафэй продолжал неподвижно сидеть на корточках на своем балконе, пока шанхайский ветер упрямо трепал подол его куртки. Из-за тонких, почти картонных стен доносился бубнящий звук соседского телевизора — там транслировали церемонию вручения премии «Золотое перо». Сладкоголосая ведущая захлеб рассказывала о ранней славе и неувядающем таланте великого Пэй Яня. Этот пафосный тон смешивался с резкой шанхайской скороговоркой торговцев под окнами, яростно бившихся за каждые пару мао, и тяжелым амбре уличного рынка.

«Так больше продолжаться не может», — подумал Дафэй.

В его годы Пэй Янь уже гремел на всю страну. Нужно было спасать себя самому.

В памяти всплыл разговор годовой давности. Тогда Дафэй, изнывая от безделья, подкараулил режиссера у входа в офис и прямо спросил: какой смысл держать его на привязи, если компания не получает от этого никакой выгоды?

Тот вечно куда-то спешил и бросил на ходу, даже не замедляя шага:

— Твой талант меня не интересует. Вот когда найдешь в себе что-то действительно полезное для меня — тогда и поговорим.

Снова прислушавшись к звукам за стеной, Дафэй осознал, что сегодня тот самый день. Пэй Янь забирал свою очередную награду как лучший режиссер года. А он, несостоявшийся творец, сидел на загаженном балконе и замерзал под порывами сырого ветра.

Суставы затекли от долгого сидения на корточках. Когда Дафэй попытался подняться, ноги отозвались тупой болью, и он случайно задел ногой пустой глиняный горшок с сухим стеблем. Вернувшись в комнату, он не почувствовал тепла — в четырех стенах было все так же промозгло и душно. Стянув с себя тяжелый пуховик, парень подошел к треснувшему зеркалу, оставленному хозяином квартиры в ванной.

Осколок стекла с неровными краями отражал искаженное, словно разбитое на части лицо, добавляя и без того унылой комнате кладбищенского колорита. Дафэй долго всматривался в собственное отражение. Под глазами залегли темные тени, кожа отливала нездоровой бледностью, а искусанные губы слегка подрагивали. В некогда гордом взгляде теперь сквозила глубокая, преждевременная усталость.

Он походил на выкованный из первоклассной стали клинок, которому суждено было вершить великие дела на поле боя, но вместо этого его забросили в пыльный угол крестьянского сарая, доставая лишь изредка — порезать арбуз. Без дела благородный металл быстро покрылся ржавчиной.

Опустив крышку унитаза, Дафэй сел и тяжело вздохнул. Из приоткрытой двери ванной видна была его тесная спальня и старый письменный стол у окна. Вещи на нем были аккуратно разделены на две стопки.

Слева громоздились его собственные сценарии. Почерк у него был под стать характеру — размашистый, угловатый, но по-своему изящный. Он писал запоем, бесконечно перерабатывая сюжетные линии. Все наброски, схемы персонажей и внезапные идеи Дафэй привык фиксировать вручную, поэтому бумаги накопилось прилично.

На самом верху этой стопки лежала книга, зачитанная в буквальном смысле до дыр. Это был разбор киноцикла «Декалог» Кшиштофа Кесьлёвского. Количество заметок и комментариев, оставленных Дафэем на полях, едва ли не превышало объем самого печатного текста.

Только вот ни эти сценарии, ни его глубокие размышления никто никогда не увидит без высочайшего позволения Пэй Яня.

Вторая стопка книг выглядела куда прозаичнее: школьные пособия Ван Хоусюна, Цюй Исяня и Сюэ Цзиньсина — классика китайского книжного рынка.

Когда Дафэй впервые зашел в книжный за этим учебным мусором, его едва не хватил удар. Он подумал, что не родись он в Пекине с его щадящими квотами, он бы точно не пережил подготовку к выпускным экзаменам. За все три года старшей школы он не решил столько задач, сколько приходилось разбирать теперь с учениками.

Дафэй сидел на крышке унитаза, сгорбившись и подперев подбородок сцепленными пальцами. В голове всплыли строки средневекового поэта Синь Цицзи: «Свой трактат о победе над врагом в десять тысяч слов я сменял на соседскую книгу о садоводстве».

А как там звучала предыдущая строчка? Он никогда не был силен в заучивании стихов, поэтому вспомнить не удалось.

Сумерки сгущались быстро, укутывая тесную квартирку безнадежным полумраком. Дафэй снова бросил взгляд на зеркало — в этой темноте его силуэт казался бледным призраком. Поколебавшись, он взял лежавший на раковине телефон и после долгих раздумий открыл чат с Пэй Янем.

«Бухгалтер из меня никакой, в университете дважды завалил зачет по учету и все благополучно забыл.»

«Может, вашей компании требуется кто-то другой?»

«Или... лично вам?»

Пэй Янь наверняка еще сидел на банкете после вручения наград, так что ответа сегодня ждать не стоило. Приоткрыв узкую щель в окне ванной, Дафэй вернулся в спальню, забрался на кровать с ногами и, кутаясь в пуховик, ввел в поисковую строку браузера: «Что нужно знать пассиву перед первым разом».

Он понимал: ему необходим контакт. Тесный, постоянный контакт с Пэй Янем. Иначе тот просто сотрет его из памяти, а если и вспомнит случайно, то лишь в негативном ключе. Только сблизившись, Дафэй мог получить свой шанс.

Когда-то Пэй Янь явно желал его тела, но со временем остыл или просто переключился на другие игрушки. Пришла пора брать инициативу в свои руки. Точнее, жизнь загнала его в угол, не оставив иного выбора.

Великий Лу Синь когда-то писал: уйдя из кукольного дома, Нора либо опустится на самое дно, либо будет вынуждена вернуться. Падать Дафэй не желал, но и возвращаться к прежнему не собирался. Творчество было для него не просто мечтой — оно было единственным залогом его свободы.

Подумаешь, гордость.

Если ради выживания нужно сломать собственный хребет — пусть ломается.

<http://bllate.org/book/19003/1868471>